

Das Lemberger Evangeliar: eine wiederentdeckte armenische Bilderhandschrift des 12. Jahrhunderts / Hrsg. von Günter Prinzing und Andrea Schmidt. Mit Beiträgen von Anton von Euw, Christian Hannick, Mesrob K. Krikorian, Annett Lang-Edwards, Günter Prinzing, Andrea Schmidt, Christian Weise. Wiesbaden, 1997, Dr. Ludwig Reichert Verlag (Sprachen und Kulturen des Christlichen Orients / Hrsg. von Johannes den Heijer, Stephen Emmel, Martin Krause, Andrea Schmidt. Bd. 2); 186 с., 2 карты, XXIX табл.

Книга посвящена богато иллюстрированной армянской киликийской рукописи XII в. – так называемому Львовскому Евангелию, в армянской традиции именуемому Скеврским – по названию монастыря Скевра (в нескольких километрах к юго-востоку от замка Ламброн), где, как гласит памятная запись, в 647 г. армянского летосчисления (31 января 1198 г. – 30 января 1199 г.) писцом и миниатюристом Григором была завершена работа над списком. В 1930 г. рукопись была описана венским мхитаристом Нерсесом Акиняном, а во время второй мировой войны исчезла. Перед войной она принадлежала армянской униатской общине Львова, а после присоединения Западной Украины к СССР и переселения львовских и западноукраинских армян в Польшу следы ее были потеряны. Вновь заговорили о ней в 1993 г., когда Евангелие продемонстрировал в Гнезно (недалеко от Познани) д-ру Гюнтеру Принцингу его польский коллега К. Ильски. Большая группа специалистов из разных стран принимала участие в реставрации и исследовании рукописи, организованных стараниями Г. Принцинга и А. Шмидт в Музее Гутенберга в Майнце и завершившихся посвященными ей конференцией и выставкой. Материалы конференции и исследований с подробным описанием проведенных работ и легли в основу рецензируемого сборника. Не обошлось без скандала, поскольку польская сторона потребовала немедленного возвращения рукописи вопреки договоренности с нью-йоркским музеем Метрополитен, где Львовское Евангелие должно было экспонироваться в числе шедевров византийского искусства в рамках выставки “Слава Византии” с 11 марта по 6 июля 1997 г. (с. 11–17, 25–26). История львовского манускрипта подробнейшим образом излагается в статье, написанной Гюнтером Принцингом, где автор уделяет внимание и целям его создания. По его мнению, эта украшенная роскошными миниатюрами парадная рукопись предназначалась для церемонии коронации киликийского царя Левона I Рубиняна (с. 18–21).

В статье Г. Принцинга и Х. Ханника (с. 27–30) дается кодикологическое описание рукописи, которая содержит 426 листов. Евангелиям в списке по традиции предпослано письмо Евсевия Кесарийского Карпиану и десять так называемых канонических таблиц, указывающих параллельные места в Евангелиях. Пергамен для списка был привезен с Кипра, о чем сообщается в колофоне (с. 101), и этому обстоятельству уделяется особое внимание в статье А. фон Эйва (с. 41). Текст написан армянским унциалом (еркатагир) в 2 столбца по 15 строк. Прилагается список работ, содержащих описание рукописи (с. 30).

Славист, византинист и знаток армянского и грузинского языков Христиан Ханник сличил Скеврское Евангелие с опубликованным Акиняном в 1930 г. описанием рукописи и составил обзор армянской традиции евангельских текстов с первых переводов начала V в. до наших дней. Надо заметить, что, к сожалению, не существует современного научного издания армянских евангельских текстов. И это при наличии огромного рукописного материала (а также двух отличных друг от друга “классических” публикаций – венецианской “Зограбян” 1805 г. и изданной в 1666–1668 гг. в Амстердаме Библии “Осканян”), что, собственно, и затрудняет работу над критическим изданием. В этом плане появление в научном обиходе еще одного, к тому же великолепного списка может сыграть положительную роль. Автор подчеркивает экзегетическое и теологическое значение древнейшего армянского перевода Нового Завета. В греческих изданиях среди разночтений наряду с сирийскими и коптскими даются древнеармянские варианты. Еще недостаточно, по мнению автора, изучена лексика армянского перевода (кстати, работа в этом направлении велась и в Армении, и за ее пределами, в частности в Лейденском университете). Например, в знаменитом высказывании Иисуса по поводу верблюда и игольного ушка (Мт. 10, 24; Мк. 10, 25; Лк. 18, 25, то же и в суре 7, 38 Корана) в армян-

ском тексте стоит слово “малух”, означающее “канат”, “веревка” (с. 34), что, следует отметить, соответствует греческому ΚΑΜΙΛΟΣ, а не ΚΑΜΗΛΟΣ. Далее Ханник обращается к литургическим функциям Скеврского Евангелия, замечая в конце, что греческие надписи на миниатюрах царской рукописи должны были свидетельствовать о культурной общности Киликийского царства и Византийской империи, об их конфессиональной близости и о преодолении догматических разногласий между монофизитами и халкидонитами (с. 37).

Центральной в представляемом сборнике, без сомнения, является статья искусствоведа Антона фон Эйва (Ойв?), рассматривающего скеврский список в контексте истории культуры. Статья озаглавлена “Львовское Евангелие как произведение искусства”. Она открывается списком имеющихся в рукописи миниатюр (с. 39–40). Подробное искусствоведческое описание рукописи содержит данные о ее формате и объеме, манере декорирования текста, включает детальный анализ стиля, техники рисунка и цвета, композиций и орнаментов, а также их элементов (с. 41–47). Особые разделы статьи посвящены украшенным заставками страницам, содержащим послание Евсевия Кесарийского и вписанные в *хораны* канонические таблицы (с. 47–53); изображениям евангелистов в скевском списке, а также традиции их изображения в киликийской и в армянской рукописной книге вообще (с. 53–58); росписи титульных страниц Евангелий и символике образов, возникновению и развитию евангельских символов, взаимовлиянию восточных и западных традиций (с. 59–63); иллюстрациям на полях (с. 64–67); инициалом и прочим украшениям (с. 70–75). Исследуя мотивы, присутствующие в иллюстрациях и орнаментах скеврского списка, автор проводит традиционные параллели, находя их не только в средневековых манускриптах, но и в монументальном и прикладном искусстве (с. 76–80, 85–91). Отдельного рассмотрения удостоивается переплет Евангелия (с. 82–83 и 92) и, разумеется, личность писца и художника Григора, который, начав свою работу в монастыре Млич, завершил ее в скриптории монастыря Скевра. По словам автора, художественная зрелость и глубина мысли, выдержанность стиля и отточенная техника мастера поражают с первого до последнего листа рукописи; впечатляет его художественное осмысление текста, выражаемое сопровождающими текст иллюстрациями на полях. “Но самое поразительное – это его фантазия, которая, прорастая сквозь византийские формы, придает произведению его армянский характер” (с. 82).

Армянский искусствовед А. Казарян, опубликовавший отзыв на данную статью рецензируемой книги в “Историко-филологическом журнале” (1999, № 1, с. 363–366), высказывает ряд замечаний в адрес А. фон Эйва. Последний видит образцы для иллюстраций и орнаментов Скеврского Евангелия в византийских манускриптах XI–XII вв., оставляя без внимания сходство с фигурами и мотивами восточноармянских иллюстрированных рукописей X–XII вв. Здесь следует добавить, что некоторые исследователи, напротив, склонны усматривать влияние произведений армянских миниатюристов на орнаментацию византийских книг в X в. (Лихачева В.Д. Изобразительное искусство // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 480). Рассматривая иллюстрации, нельзя не заметить некоторые неточности в их описании (с. 54 и табл. XII).

Скевское Евангелие содержит восемь колофонов, и им посвящена статья филолога, специалиста по языкам Христианского Востока А. Шмидт. Первые три колофона с просьбой помянуть в молитвах священника Степаноса писаны рукой переписчика и художника Григора из Млича в 1198 г. Четвертый – самим Степаносом в том же году и занимает несколько страниц. Весьма необычно, что Григор не оставил записи с подобной просьбой о себе. Пятая запись сделана рукой неизвестного в 1219 г. и сообщает о смерти Левона Рубиняна, шестая монахом Симеоном (1422 г.) о новом владельце рукописи Хутлубеге. Следующая сделана в 1592 г. священником Симеоном о том, что господин Торос Пернатенц в Польше пожертвовал немалые деньги на реставрацию рукописи и на украшенный серебром переплет. Последний, восьмой колофон написан рифмованными строками и принадлежит перу реставратора и переплетчика Ованнеса. В статье говорится об уникальности и ценности памятных записей (хишатакаранов) в армянских рукописях вообще и дается перевод всех восьми колофонов Скеврского Евангелия (с. 98–105), а также их факсимильные копии (с. 106–109).

Реставратор Аннетт Ланг-Эдвардс в своей статье подробно описывает все работы

по восстановлению и стабилизации рукописи, проведенные в 1997 г. в Музее Гутенберга в Майнце (с. 111–119).

Андреа Шмидт принадлежит в сборнике еще и статья о роли и значении монастыря Скевра. Здесь, по мнению автора, в XII–XIV вв. пересекались и развивались церковные и культурные традиции Киликийского царства. Монастырь Скевра был крупнейшим научным и культурным центром Киликийской Армении. При нем действовало высшее учебное заведение, имелась богатая библиотека, где находился знаменитый скрипторий, откуда вышло немало шедевров [от списка “Книги скорбных песнопений” Нарекаци 1173 г. до списка лечебника Мхитара Гераци 1279 г. (с. 123–132)]. Монастырь пережил за свою историю два периода расцвета. Первый связан с именем крупного церковного деятеля, писателя и философа Нерсеса Ламбронаци и относится к XII – началу XIII в. Армянское киликийское государство существовало в “космополитическом пространстве” в силу своего географического положения. Оно соприкасалось с греко-эллинистическим, сирийско-семитским, исламским, а через крестоносцев-латинян и с западным миром. В произведениях Нерсеса немало места уделено обсуждению возможностей сближения армянской церкви как с греками, так и с латинянами. Все это составляет тот культурно-исторический фон, на котором создавалось Скевское Евангелие (с. 132–136). Время второго расцвета монастыря Скевра – последняя треть XIII в., когда его настоятелями были Мхитар, Симеон, Минас и Костандин. Он был прерван мамлюкским завоеванием 1375 г. (с. 136–142). Заслуживает внимания то обстоятельство, что автор опирается в основном на сведения колофонов армянских рукописей, что, отнюдь, не обедняет изложения, а напротив, придает ему живость и драматизм (как в рассказе о нападении сельджуков на караван монахов (с. 121)).

Статья “Следы армянской общины во Львове” принадлежит перу теолога, знатока истории украинской церкви Христиана Вайзе. Первые небольшие группы армян-переселенцев на территории современной Украины появились еще в XI в., после разрушения сельджуками армянской столицы Ани (1064 г.). Однако первая большая волна переселенцев из северных районов Армении, находившихся тогда под суверенитетом Грузии, была вызвана монгольским нашествием конца XII – начала XIII в. Через геноуэзские колонии армяне направлялись в Крым, где оседали главным образом в Каффе (Феодосия), или шли дальше на запад до галицко-подольского региона и Львова. Вторая волна массового переселения армян относится ко времени завоевания мамлюками Киликии (1375 г.), а третья была вызвана турецким завоеванием Крыма в 1475 г. Но и в последующие века не иссякал поток эмигрантов из Османской империи (с. 143–144). Далее автор переходит непосредственно к истории львовской армянской колонии, повествуя о строительстве первых армянских церквей во Львове (с. 145–148); об унии с римской церковью 1626–1663 гг. (с. 148–149); о дальнейшей судьбе армян-униатов вплоть до присоединения Западной Украины к СССР, их депортации и их судьбе в Польше (с. 149–153); о положении ныне немногочисленных армянских общин, в том числе армянской общины Львова (с. 153–159). В заключительной части статьи представлены сведения о судьбе и о местонахождении после второй мировой войны армянских рукописей из библиотек и архивов, находившихся во Львове с конца XIX в. (с. 159–167). Прилагается хронологическая таблица (с. 168–169).

Завершается сборник статьей венского архиепископа Месроба Крикоряна, посвященной жизни и деятельности известного филолога и палеографа, арменоведа мхитариста Нерсеса Акиняна, составителя целого ряда каталогов армянских рукописей, в том числе и львовских. М. Крикорян пересказывает содержание описания Скевского Евангелия, опубликованного Акиняном в 1930 г. в Вене. Евангелие находилось в Польше по крайней мере с 1592 г., когда оказалось в руках Тороса Пернатенца. В середине XIX в. оно перешло в собственность львовского армянского католического архиепископата (с. 171–176).

Сборник снабжен указателем рукописей и указателем имен, двумя картами – Центральной и Восточной Европы, на которой обозначены города, где образовались колонии армян-переселенцев, и картой Малой Армении, а также прекрасными цветными и черно-белыми иллюстрациями. Библиография содержит 21 наименование избранных работ (Auswahlbibliographie), куда не вошла даже книга Н. Акиняна с первым описанием Скевского Евангелия.

Основным недостатком рецензируемой книги (как, впрочем, и многих других работ, публикуемых на Западе) является слабое знакомство с литературой на армянском и русском языках. Это отмечают и армянские рецензенты книги В. Казарян и А. Бозоян (ИФЖ, 1999, № 1, с. 360–366). Несомненными достоинствами являются великолепная печать и стиль изложения, делающие издание интересным и доступным, в том числе широкому кругу читателей-неспециалистов.

Е.Д. Джагацпаян

B r u b a k e r L. Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium. Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Studies in Palaeography and Codicology, 6. Cambridge University Press, 1999, xxiii, 489 p., 47 p. of plates, ill. facsim. 26 cm.

Рукопись, которой посвящена книга, во всех отношениях царская: она была создана в 879–882 гг. в придворном скриптории для византийского императора Василия I. В истории византийского искусства найдется не много памятников, сопоставимых с ней по великолепию и роскоши. Из 463 ее страниц 46 полностью занимают миниатюры. Самих изображений гораздо больше – листы разделены горизонтальными, а в некоторых случаях еще и вертикальными полосками-рамками на небольшие прямоугольники, заполненные одной или несколькими сценами или отдельными фигурами.

Небольшое число миниатюр в начале манускрипта расположено на отдельных листах, остальные иллюстрации имеют на другой стороне листа текст¹. Изображения были написаны достаточно плотно, яркими красками с обильным использованием золота. Расположение миниатюр на листах, одна из сторон которых была отведена для письма, а значит, разлинована, стало причиной довольно сильного осыпания красок. Из страха потерять то, что еще осталось, рукопись, с XVI в. хранящуюся в Парижской национальной библиотеке, уже давно никому не показывают. Не видела ее и сама автор огромной книги, – печальный, особенно для историка искусства факт, о котором Л. Брубэйкер неоднократно упоминает в разных главах своего исследования.

Л. Брубэйкер старалась сделать свое исследование как можно более полным. В самом деле, оно включает в себя помимо собственно описания и результатов изучения рукописи, т.е. прежде всего украшающих ее изображений, данные палеографии и кодикологии, элементы исследования текста и анализ “художественной продукции” эпохи, несколько приложений в конце книги и обширную библиографию. Однако претензия на полноту имеет своей оборотной стороной излишнюю подробность в изложении научного материала, навязчивую скрупулезность в деталях, придающую отдельным фрагментам книги сходство с математическим справочником. Использование, порой безо всякой надобности, специальной терминологии заметно затрудняет чтение. Есть в этой монографии и фрагменты, которые в византийском и искусствоведческом исследовании выглядят несколько странно².

¹ Миниатюры вставлены перед началом каждой из гомилий и, следовательно, занимают оборот листа с окончанием предыдущей гомилии или лицевую сторону листа перед началом того самого текста, который они иллюстрируют или “образно комментируют” (visual commentary – излюбленный термин Л. Брубэйкер).

² Автор не упускает случая выразить восхищение предметом своего исследования: “Парижский список Гомилий ... единственная византийская датированная рукопись второй половины IX века и первая из дошедших до нас рукописей, созданных для византийского императора...”, “... ни один другой манускрипт Гомилий Григория Назианзина не имеет полностраничных иллюстраций...” и т.п. Приведенные утверждения абсолютно справедливы, но эти факты слишком хорошо известны, чтобы приводить их не в учебнике, а в научном исследовании.

Местное исследование (от англ. gender – род, пол) – жанр, которому почему-то уделяла место в своей книге Л. Брубэйкер. Исследовательница совершенно серьезно пишет, что художник, украшавший рукопись, пытался уравновесить число мужских и женских образов.